

Процесс конституционного развития России начала XX века в оценках исследователей прошлого и настоящего

В годовщину российской конституции 1993 года полезно обратиться к опыту конституционного развития нашего Отечества, к истокам становления конституционной мысли, формирования конституционных представлений, заимствованных из западноевропейской политико-правовой теории и практики. Научный интерес представляют оценки попыток практического воплощения конституционных идей и представлений в России в начале XX века, как в прошлом, так и в настоящем. Конституционный акт как результат воплощения конституционных представлений есть продукт компромисса между различными политическими силами, так, при конституционной монархии – между монархом и обществом.

В современной политико-правовой литературе использованы три основных подхода к определению конституционализма как политико-правовой идеологии. Первый подход определяет конституционализм как государственное правление, ограниченное конституцией; второй видит в конституционализме учение о конституции, как основном законе государства и общества и их взаимоотношениях; третий подход, используемый в политологии, утверждает, что конституционализм – политическая система, основанная на конституционных методах правления. Применительно к конституционному развитию России под конституционализмом понимается совокупность взглядов русских конституционалистов на природу государства и общества [1]. Типология конституционализма насчитывает несколько классификаций: по степени реализации принципов в социальной действительности – мнимый (номинальный) и подлинный; по степени правового закрепления соотношения сил между парламентом и главой государства – парламентарный (парламентская республика или монархия) и дуалистический (президентская республика или дуалистическая монархия); по степени оформления основополагающего принципа в форме правления – республиканский (основанный на принципе народного суверенитета) и монархический (базирующийся на монархическом принципе); по форме и субъекту возникновения – народный (принятие конституции все-

Б.И. Королёв

*Доцент кафедры общетеоретических
правовых дисциплин, Приволжский филиал
ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия»,
кандидат исторических наук*

народно или через представительный орган), договорный (в результате соглашения, консенсуса между монархом и парламентом), октроированный (издание монархом акта, ограничивающего его власть).

Типология конституционной монархии как формы правления в современной литературе насчитывает три разновидности: парламентарная монархия, основанная на суверенитете или верховной власти парламента; дуалистическая монархия, как промежуточная форма от абсолютной к парламентарной монархии (монарх и парламент делят законодательную власть); монархический конституционализм, когда сохраняется монархическая система при переходе к конституционной форме правления через изменение структуры власти и формы правления без изменения ее существа. Последний вид конституционной монархии в наибольшей степени соответствует определению «мнимого конституционализма», введенному исследователем А.Н. Медушевским [2].

Известно, что еще российские государствоведы начала XX века выделяли две категории конституционных монархий по источнику власти в государстве: конституционные монархии, основанные на принципе народного суверенитета; конституционные монархии, основанные на монархическом принципе. Государственная власть мыслилась в начале XX века как система юридических норм, на которых основаны и по которым действуют государственные учреждения [3].

Практическим воплощением конституционных представлений начала XX века стал «правительственный» конституционализм 1905–1906 гг., предопределивший переход от абсолютной монархии к ограниченной. Царское правительство в условиях революционного давления «снизу» разработало Положение о выборах в Государственную Думу 1905 г., издало манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., избирательный закон 11 декабря 1905 г., Учреждение Государственной Думы и Учреждение Государственного Совета от 20 февраля 1906 г. Итогом, закрепившим конституционный принцип разделения властей, стали Основные законы 23 апреля 1906 г. В отличие от конституционных проектов «Союза Освобождения» и земского проекта С.А. Муромцева и Ф.Ф. Кокошкина [4], основные законы 23 апреля 1906 г. вступили в юридическую силу. По своему характеру Основные законы появились как продукт правительственного конституционализма, отсюда октроированный способ издания; носили ярко выраженный дуализм в распределении полномочий между правительством

(исполнительная власть), Государственной Думой (законодательная власть) при сильных властных позициях императора. Появление конституционного акта было обусловлено следующими факторами: оппозиционный характер Думы первого созыва по итогам выборов, как отражение революционных событий; субъективная позиция Николая II, воспитанного на монархическом традиционализме, вынужденного уступать давлению «снизу»; убеждения придворного окружения императора, приверженцев неограниченного правления либо сиюминутных либералов. Особенностью стало обсуждение редакции законов не через Государственный Совет, как требовал прежний порядок прохождения законопроектов, а через специальное особое совещание. К последней форме стали прибегать, начиная с обсуждения Положения о выборах августа 1905 г., подчеркивая особый характер преобразования, не связанный с давлением предыдущей законодательной процедуры, опираясь на новые кадры. Протоколы Царскосельских совещаний свидетельствуют о страхе участников как перед смутой, революцией, так и перед оппозиционной Думой, при этом психологическим состоянием участников успешно манипулировал Витте, стремившийся минимизировать обещания, данные в манифесте 17 октября 1905 г. Участниками совещаний стали лишь высшие сановники, либеральные представители, равно как и ученые–государствоведы приглашены не были. Впоследствии сам С.Ю. Витте признавал, что благодаря ему Россия получила конституцию, «но конституцию консервативную и без парламентаризма», выражая надежду, что «режим 17 октября в конце концов привьется».

Однако, еще до издания законов, за мнением к общественным деятелям относительно проекта обратился участник совещаний Трепов. Ведущие правоведы – В.И. Ковалевский, Н.И. Лазаревский, С.А. Муромцев, И.В. Гессен, М.М. Ковалевский и историк П.Н. Милюков выступили с критикой проекта: «под видом сохранения прерогатив верховной власти составители проекта стремились сохранить существующую безответственность и произвол министров». Они предложили следующие изменения: усиление ответственности министров через институт контрсигнатуры при безответственности монарха; право законодательных органов сообщать царю о вредных и опасных действиях министров; сокращение до недели срока ответов министров на запросы депутатов; новые выборы досрочно распущенной Думы должны были назначаться через 4 месяца после ее роспуска;

наделение Думы правом рассматривать все статьи бюджета; предоставление Думе инициативы пересмотра Основных законов при согласии двух третьих от состава обеих палат и другие [7].

Либеральные партии негативно восприняли издание Основных законов без участия Думы. Октябрьсты указали, что законы ограничивают права Думы, создают препятствия для мирного перехода к конституционной монархии. Кадеты подчеркнули – право пересмотра законов отнято у народа, Думу пытаются низвести, отняв у народа его власть [8].

Следует выделить такое направление в историографии вопроса, как эмигрантское, основой для которого послужили взгляды П.Н. Милюкова и В.А. Маклакова. В 60–70-е годы XX века зарубежные исследователи отталкивались от теории «надклассовости» самодержавия, признавая за монархом активную творческую силу в модернизации России начала XX века. Так, Дж. Робинсон называл акт 17 октября 1905 г. – конституцией; Г.В. Вернадский подчеркивал развитие русского конституционализма по германским образцам; М. Шефтель признавал наличие дуалистической монархии с сильным «монархическим принципом» после 1905–1907 гг. В целом эмигрантская и зарубежная историография исходит из идеи борьбы государства и общества, признает наличие основ для конституционной монархии в России в период 1905–1907 гг. [9]. Такой представитель зарубежной историографии как В.В. Леонтович признавал конституцией Основные законы 23 апреля 1906 г., так как последние вводили в систему власти принцип дуализма как основу разделения властей при сильной власти монарха [10].

В последнее время в правовой и социологической литературе разрабатывается тематика «мнимого конституционализма». Именно так определялся образ правления Российской империей до февраля 1917 года рядом авторов. Так, исследователь А.Н. Медушевский считает, что первоначально всеми крупнейшими революциями, в том числе и в России в 1905 году, провозглашался подлинный конституционализм, который в ходе самих революций постепенно сползал к мнимому, последний и характеризует порядок правления после 1906 года [11]. Однако, юрист И.А. Кравец убежден, что единственно возможным вариантом перехода от мнимого конституционализма к подлинному является рост и укоренение конституционных учреждений и правосознания, как следствие развития конституционных идей и опыта конституционной практики [12]. По его мнению у Медушевского отсутствует разделение вопроса об источнике

власти и характере отношений между законодательной и исполнительной властями. Если парламентарная и дуалистическая монархии различаются именно по характеру взаимоотношений главы государства, правительства и парламента, то «монархический конституционализм» указывает на определенный источник власти (монарха), не являя собой особую, отличную от двух других конституционных монархий [13].

Существуют и другие публикации, отстаивающие тезис о наличии в России начала XX в. конституционных учреждений и дуалистической монархии. Так, А.А. Сенцов, отмечает появление октроированного парламента и конституции в России в 1906 году. Правовед В.В. Лузин указывает, что в России установилась переходная форма правления от абсолютной к дуалистической монархии [14]. Исследователь В.С. Дякин полагает, что Основные законы 1906 г. превращали Россию в дуалистическую монархию, в которой за монархом сохранялась вся исполнительная и значительная доля законодательной власти; присутствовала пропасть между правами парламента и монарха, характерная для всякой дуалистической монархии [15].

Исследователь КА. Соловьев отмечает необходимость различать конституционный акт и конституционные формы, которые складываются в результате практической деятельности. Конституционный акт всегда имеет рамочный характер, его содержание говорит об умонастроении людей, которые его составляли. Основные законы от 23 апреля 1906 г., по его мнению, отставивали принцип монархического суверенитета. Однако, налицо диспропорция между полномочиями императора и прерогативами Думы. Соловьев обращает внимание, что в ходе царскосельских совещаний выстраивалась стена ограничений возможным притязаниям народных представителей. Основные законы от 23 апреля 1906 г. не устраняли пробелы в праве, а лишь создавали новые, так как, вводя в действие принцип конституционализма, Основные законы не давали стране конституционной процедуры разрешения неизбежных конфликтов. Основные законы выполняли роль своего рода Цербера, охранявшего принцип монаршего суверенитета, в то время как шло постепенное становление конституционных форм в результате планомерной законотворческой деятельности [16].

Юрист И.А. Кравец считает, что система монархического конституционализма в России получила легальное оформление в октроированных правовых актах, важнейшими из которых были Основные законы 1906 года – первая русская дуалистическая

конституция. Они предусматривали введение смешанной или умеренной формы правления и исходили из дуализма исполнительной и законодательной власти. Такая форма правления получила название дуалистической монархии и рассматривалась в государственно-правовой литературе как переходная от абсолютной к парламентской монархии. Под монархическим конституционализмом он понимает систему правления, основанную на дарованной монархом конституции, в которой источником всех властей в государстве признается монарх. Последний доминирует над парламентом и правительством. Кравец признает существование после 1906 года российского варианта монархического конституционализма, как типологически близкого к дуалистической монархии на ранней стадии развития и основанного на сочетании европейской и отечественной правовой традиции [17]. Он убежден, что политическое значение Основных законов заключалось в введении в России смешанной монархии или сегментарной формы государства, в которой сосуществовали конституционные

и традиционные институты власти, между которыми разделены функции и роли по управлению обществом с перевесом в пользу главы государства [18].

Итак, следует признать, что оценка конституционализма и формы правления в Российской империи современными юристами и историками права трансформировалась от отрицания существования конституции до признания ограниченной, смешанной, дуалистической монархии в зарубежной историографии и в отечественной на рубеже XX–XXI веков. Произошло сближение отечественной и зарубежной историографий в обсуждении проблемы российского конституционализма начала прошлого века. В России начала XX в. в рамках правительственного конституционализма произошел переход к дуалистической монархии, когда монарх и парламент делят законодательную власть. Однако, противоречивый характер действий исторической власти, непоследовательность, стремление оградить привилегии монарха наложили отпечаток на Основные законы 1906 г., не сделав их компромиссом между властью и обществом. ■

Литература:

1. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2006. С. 11–16.
2. Медушевский А.Н. Мнимый конституционализм как явление мировой политической культуры // Социологические исследования. 1994. N 5. С. 90.
3. См.: Костин Ю.В. Понятие государственной власти в русской юридической мысли начала XX века // История государства и права. 2006. N 10.
4. Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII–XX веков. Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов. Новосибирск: ООО Издательство ЮКЭА, 2000. С. 283–300, 304–371; См.: Медушевский А.Н. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. N 6. С. 11.
5. См.: Протоколы Царскосельских совещаний (1905–1906 гг.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сб. документов / Авт.–сост.: А.В. Гоголевский. М.: Гардарики, 2001. С. 101–162.
6. Витте С.Ю. Воспоминания. В 3-х тт. Т.3. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. С. 306.
7. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», 2006. С. 118.
8. Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х т. Т.1. Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1996. С. 191; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х тт. Т. 1. 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 349.
9. Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской буржуазной историографии. М.: Мысль, 1976. С. 125–165.
10. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914 гг. М., 1995. С. 440, 463–465, 536–539.
11. Медушевский А.Н. Неолиберальная концепция конституционных кризисов в России // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 95–122; он же. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998.; он же. Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия // Вопросы истории. 1996. N 9. С. 3–23; он же. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. 1994. N 2; он же. Мнимый конституционализм как явление мировой политической культуры // Социологические исследования. 1994. N 5. С. 90; он же. Конституционная монархия в России. // Вопросы истории. 1994. N 8. С. 30–45.

12. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2006. С. 11–16.
13. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2006. С. 315–316.
14. Сенцов А.А. Развитие формы Российского государства в начале XX в. // Изв. вузов. Правоведение. 1990. N 4. С. 88–93; Лузин В.В. К вопросу о форме правления в России в начале XX века // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 1994. N 1. С. 86–102; Глушко Е.К. К вопросу о «парламентаризме» в дореволюционной России // Разделение властей и парламентаризм. М., 1992. С. 86–102.
15. Кризис самодержавия в России. Л., 1984. С. 343.
16. Законодательство эпохи буржуазно–демократических революций. М., 1994. С. 44–52; Соловьев К.А. Взаимодействие исполнительной и представительной властей в 1906–1917 гг. и Основные Государственные законы 23 апреля 1906 г. // История государства и права. 2006. N 11; Протоколы царскосельских совещаний (1905–1906) // Русский конституционализм: От самодержавия к конституционно–парламентской монархии. М., 2001. С. 125–126, 131–132, 134, 143–144, 148–149.
17. Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2006. С. 9–11; 315–335; Конституционное право России. Основные законы, конституции и документы XVIII–XX веков. Хрестоматия / Сост. А.П. Угроватов, послесловие И.А. Кравца. Новосибирск, 2000. С. 662–677.
18. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государственоведения. М., 1997. С. 112–118; Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века. Учебное пособие. М.: ИВЦ «Маркетинг», Новосибирск: ООО «Издательство ЮКЭА», 2006. С. 339–343.